

Мессия в свете пророчеств и истории Лекции памяти Варбуртона 1880-1884

Альфред Эдершайм

ЛЕКЦИЯ 6 О ДУХОВНОМ СМЫСЛЕ ПРОРОЧЕСТВ: ВЕТХИЙ ЗАВЕТ УКАЗЫВАЛ НА ДУХОВНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ПРОРОЧЕСТВ В ЦАРСТВЕ БОЖЬЕМ

К сему-то спасению относились изыскания и исследования пророков, которые предсказывали о назначенной вам благодати, исследывая, на которое и на какое время указывал суший в них Дух Христов, когда Он предвозвещал Христовы страдания и последующую за ними славу.

1-е Петра 1:10, 11.

Нет необходимости подробно рассматривать эти стихи, для того чтобы показать, как тесно связаны изложенные в них истины с проповедованием св. Петра. В своей первой проповеди, прозвучавшей в день Пятидесятницы, и особенно во второй, которая была произнесена в связи с исцелением хромого в Храме, апостол уверял иудеев, что ничего странного или неожиданного в том, что они видели и слышали, не было. Это было просто исполнением пророчества, ибо "... все пророки, от Самуила и после него, сколько их ни говорили, также предвозвестили дни сии".

Но смысл слов апостольских, которые мы рассматриваем в этой лекции, гораздо глубже, и вот что они означают. Во-первых, все пророчества были следствием действия Духа Христова в пророках; во-вторых, пророчества указывали на страдания Мессии и последующую славу; в-третьих, хотя пророки понимали общий мессианский смысл изрекаемых ими пророчеств, частности этих пророчеств им не были понятны. Не знали они также и времени исполнения этих пророчеств. Все это оставалось сокрытым до начала исторического периода, известного как "последние дни".

А теперь нам необходимо сделать следующий шаг. Мы должны признать, что пророчества носят исторический характер и раскрываются постепенно, по мере развития истории Израиля – до того времени, когда наконец смысл этой истории раскроется в полноте. Если быть достаточно точным, то следует признать, что это действительно то нравственное начало, которое, как подчеркивалось в предыдущей лекции, является отличительной особенностью пророчеств. Оно не было чем-то механическим и мертвым, так сказать, навязанным миру извне, но являлось действенной силой, направленной на добро, – силой, которая возрастала вместе с нравственным развитием людей и все более раскрывалась по мере усиления их способности принимать и понимать. Все это было от начала, ибо, как говорит св. Иаков, "Ведомы Богу от вечности все дела Его" (Деяния 15:18). С этим согласны слова Павла о "домостроительстве тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге" (Ефессянам 3:9,10). И эта тайна окончательно была открыта во Христе. Каждому

историческому событию предшествовало пророчество, предметом которого было не только предвозвещение событий, но и подготовка к ним. И хотя пророки знали, что их слова указывают на конец времен, им не было открыто, когда и как исполнятся эти пророчества. Поэтому очень часто в словах пророческих говорится совокупно о начале и конце, ближайшем и окончательном исполнении предвозвещенного. В их книгах мы читаем о древних Ассирии или Едоме и тут же – о последних врагах Царства; о древнем Израиле и о Божьем народе грядущего; о восстановлении служения Храма и об обновлении поклонения Храма нерукотворенного; о земном Иерусалиме и о Иерусалиме небесном. Все эти пророчества ожидали тех последних дней, когда вновь громогласно зазвучат слова: "Да будет свет". А тем временем то, что было известно Богу от начала, Он постепенно открывал устами Своих пророков для духовного назидания Своего народа. Как свидетельствовал Амос (3:7), "... Господь Бог ничего не делает, не открыв Своей тайны рабам Своим, пророкам". А Исаия возглашал (42:9): "Вот, предсказанное прежде сбылось, и новое Я возведу; прежде нежели оно произойдет, Я возведу вам". Так раскрывалось Пророчество и так разворачивалась История – одно как предтеча другого, и Дух Христов, сущий в пророках, всегда указывал на времена исполнения всего. Все важнейшие темы пророчеств должны были сойтись в одном пункте, и в нем их значение должно было стать явным.

Если это историческое понимание пророчеств было присуще проповедованию св. Петра, апостола евреев, то же не менее явно прослеживается у представителей так называемого противоположного, или "александрийского", направления библейской мысли, – св. Стефана и автора Послания к евреям, а также св. Павла, в чьем богословии удивительным образом сочетаются палестинское и греческое направления мысли. Вот почему значительная часть речи Стефана перед синедрионом посвящена историческому обзору откровения Бога и тому, как Израиль становился все более непокорен этому откровению. Подобным образом, в Послании к евреям, после общего введения, в главах 3, 4 и 11, дана пророческая картина истории Израиля (в то время как в промежуточных главах отражены священные установления Израиля), а основное положение главы 2 находит практическое приложение в заключительной части Послания. Наконец, мы видим такой же способ аргументации в проповедовании св. Павла евреям. Так, в первой проповеди, которую апостол произнес в синагоге Антиохии Писидийской, он бегло рассматривает пророческую историю Израиля от Исхода до времен Давида. Затем он упоминает о предсказаниях, которыми сопровождалась и объяснялась эта история, и, наконец, взирая на Давида, и даже на Моисея и Закон, он указывает на Христа. Заканчивает же свою проповедь апостол, приводя пророческие предостережения из Исаии и Аввакума как такие слова, исполнение которых угрожало опасностью его слушателям. Однако есть и другой подход к пророчествам, и, насколько я знаю, кроме св. Павла, никто другой ему не следовал. Согласно этому подходу, пророчество понимается как нечто абсолютное, как нечто имеющее догматическое значение. Закон, с его требованиями, трактуется как детоводитель ко Христу, а установления относительно греха и возмездия за грех – жертвоприношений и искупления – представлены указующими на Христа как их исполнение. К этим рассуждениям мы еще вернемся.

Мы можем с достаточной долей уверенности предположить, что синагога – по крайней мере, ортодоксальная ее часть – не может подвергаться серьезным сомнениям исторический и пророческий характер Ветхого Завета как подготавливающего народ к пришествию Мессии и указывающего на Него, сколь бы решительно она ни отвергала исполнение пророческих Священных Писаний во Христе Иисусе. Но если принимать Божественный авторитет Ветхого Завета, то, думается мне, выводы Нового Завета можно было бы попытаться оспорить только на одном из трех оснований. Во-первых, можно было бы утверждать, что Ветхий Завет должно трактовать исключительно в буквальном значении. Мы уже показали, что так не могло быть в случае с пророчествами о грядущем Царстве Бога. Но, в противовес нашему общему пониманию пророческого характера Ветхого Завета, можно было бы утверждать, что по меньшей мере законы и установления Ветхого Завета не имели никакого дополнительного значения, кроме того, которое было придано им изначально, – что они не заключали в себе никакого духовного смысла, имели лишь внешний характер и не должны были быть заменены новым, духовным домостроительством, на которое, как мы говорим, они указывали. Во-вторых, можно было бы утверждать, что так называемая христианская трактовка мессианской идеи в Ветхом Завете является от начала и до конца вымыслом и заблуждением. В-третьих, можно было бы утверждать, что даже если эта идея сама по себе и правильна, образ Мессии, согласно Ветхому Завету, существенно отличается от образа Иисуса из Назарета.

Что касается этих трех возражений, то третье, я полагаю, можно отвергнуть без обсуждений. Ибо если бы было доказано, что Ветхий Завет указывал на больший и духовный Закон, более совершенные уставы и установления, и если, кроме того, было бы доказано, что христианская трактовка мессианской идеи в Ветхом Завете правильна, – думаю, немногие стали бы подвергать сомнению утверждение, что Иисус Христос воплотил в Себе идеал Ветхого Завета, как видит это Церковь. В таком случае достаточно было бы сослаться на историю, и было бы почти невозможно с точки зрения логики опровергнуть довод, опирающийся на факт существования исторической Церкви. А если кто-либо возразил бы, что подавляющее большинство современников Христа не узнали в Нем ветхозаветный образ Мессии, достаточно было бы сказать, что эти люди не имели перед собой истинного образа Мессии; их понятие о Нем не соответствовало Ветхому Завету и не было духовным. Чрезмерная приверженность преданиям подавила в их умах учение Ветхого Завета в высшем его смысле. Словом, религия Ветхого Завета к тому времени превратилась в иудаизм. Наш Господь действительно призывал своих современников исследовать Священные Писания Ветхого Завета, ибо они свидетельствуют о Нем, но их глаза были удержаны силой их вождей-фарисеев, а сердца были слишком ожесточены, чтобы постигнуть смысл этих Писаний. И еще: то, что современники Христа или, по крайней мере, большинство из них, будучи приверженцами преданий, не пребывали в учении Ветхого Завета о духовном образе Мессии, мы готовы заявить со всей определенностью. Таким образом, нам придется рассмотреть лишь следующие два вопроса. Действительно ли Ветхий Завет, с его законами и обрядами, указывал на нечто духовное, и показывал, что его установления были лишь временными и что им должно было перерасти в новое, духовное домостроительство? И еще один связанный с

этим вопрос: Правильна ли так называемая христианская трактовка мессианской идеи и мессианского идеала, представленных в Ветхом Завете? Первый из этих вопросов был частично рассмотрен в предыдущей лекции, но сейчас его необходимо рассмотреть более подробно и упорядоченно.

I. Ветхий Завет не только представляет собой свод внешних обрядов и установлений, но, превосходя их буквальный смысл, указывает на более глубокое духовное значение в настоящем, а также – на высшее духовное исполнение в будущем. Такое понимание ни в коей мере не опирается на старый принцип аллегорического толкования, который был свойствен александрийскому иудаизму, или иудейскому эллинизму, хотя я готов признать, что он содержал в себе некое зерно истины, о чем можно судить по тому, сколь развитой была эта школа богословской мысли. Но александрийский аллегоризм не только не имел под собой прочного экзегетического основания; он не имел под собой исторического основания, будучи плодом человеческого воображения. И какой бы привлекательностью этот метод ни обладал, он, по сути своей, был логически несостоятельным. Способы толкования, открытые или изобретенные александрийцами, служили делу той истины, которую эти толкователи стремились возвещать. Наш же метод толкования коренным образом отличается от александрийского. Он имеет свою опору не в человеческом вымысле, но в истории, поскольку зиждется на том, что действительно было. Мы стремимся разъяснить смысл библейских установлений, исходя не из их предполагаемого значения, а из того значения, которое придается им в других текстах Ветхого Завета, особенно – в пророческих писаниях и Псалмах. Мы убедимся в этом, когда будем говорить о главных установлениях Ветхого Завета.

Мы упоминали о том, что уже в Пятикнижии обрезание, этот посвятельный обряд Завета, был представлен в прообразном значении, как указание на иное обрезание – обрезание уст и сердца, – которое в будущем должно было стать великим духовным достоянием всех людей. Именно согласно такому представлению об обрезании Моисей говорит о себе как о человеке с "необрезанными устами"* – то есть утверждает, что не готов к великому духовному труду (Исход 6:12). В книге Левит 26:41 мы находим выражение "необрезанное сердце", а во Второзаконии повеление обрезать сердце синонимично выражению "не будьте впредь жестоковейны" (10:16). В согласии с этим представлением Иеремия призывает народ к покаянию, говоря: "Обрежьте себя для Господа, и снимите крайнюю плоть с сердца вашего, мужи Иуды и жители Иерусалима..." (4:4) А то, что эти слова указывали на нечто вполне осязаемое, следует из того факта, что они представляют собой великое Божье обещание, относящееся к последним дням: "... и обрежет Господь Бог твой сердце твое... чтобы ты любил Господа Бога твоего от всего сердца твоего и от всей души твоей, дабы жить тебе" (Второзаконие 30:6). Таким образом, обрезание не было лишь внешним обрядом, но являлось прообразом духовной реальности и указывало на время его духовного исполнения. Соответственно, из пророческих писаний мы узнаем, что обрезание связано со славой последних дней. Поэтому Исаия призывает Святой Град восстать и облечься в славные одеяния свои, ибо впредь необрезанный и нечистый не войдет в его врата

---

*Букв. в др.-евр. В Синодальном тексте – "а я не словесен". – Примеч. переводчика.

(52:1). А то, что пророк не мог подразумевать под этим внешний обряд, явствует из того, что Иеремия предвидит дни, когда Иегова в равной мере накажет обрезанных и необрезанных, поскольку язычники не обрезаны, а "весь дом Израилев с необрезанным сердцем" (9:26). Но что это, как не аргумент, который приводит в Новом Завете св. Павел: "Ибо не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот Иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога" (Римлянам 2:28, 29)¹.

А что справедливо в отношении обрезания, то, пожалуй, еще в большей мере справедливо относительно жертвоприношений. Духовное, в противоположность чисто внешнему, понимание идеи жертвоприношения всегда прослеживается в Писании. Даже те известные (и часто ложно толкуемые) слова, с которыми Самуил обратился к Саулу: "Послушание лучше жертвы и повиновение лучше тука овнов" (1 Царств 15:22)², указывают на то, что жертвоприношения не являлись чисто внешними действиями, но имели более глубокий смысл и значение. Мало того, данные слова свидетельствуют о том, что истина эта была известна и почитаема. А теперь мы переходим к пророческим писаниям и Псалмам, которые, как напоминает нам профессор Делич, мы всегда должны рассматривать в подобных беседах. Мы убеждаемся, что Ветхий Завет неизменно свидетельствует о том, что жертвоприношения указывали на реальность более высокого порядка. Псалом 49 звучит как едкая насмешка над таким пониманием жертвоприношения, когда оно мыслится лишь как механическое действие, словно Бог ест мясо волов или пьет кровь козлов (стих 13). В Псалме 50 кающийся грешник молит: "... ибо жертвы Ты не желаешь, – я дал бы ее; к всеожжению не благоволишь. Жертва Богу – дух сокрушенный" (стихи 16 и 17). Подобным образом и в таком же духе о жертвоприношениях говорят Исаия (1:11-14), Иеремия (6:20), Амос (5:21, 22), Осия (6:6) и Михей (6:6-8): по единодушному убеждению пророков, жертвоприношения сами по себе не обладают действенностью. Еще более определенно говорит об этом пророк Иеремия, напоминая Израилю о днях минувших: "... ибо отцам вашим Я не говорил и не давал им заповеди в тот день, в который Я вывел их из земли Египетской, о всеожжении и жертве; но такую заповедь дал им: `слушайте гласа Моего, и Я буду вашим Богом, а вы будете Моим народом...'" (7:22, 23) Складывается такое впечатление, что пророк хотел подчеркнуть, что жертвоприношения сами по себе бесполезны и что они будут заменены духовным поклонением. Отзвук этих слов, как кажется, можно услышать в Послании к евреям: "... невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи" (10:4). А кроме того, пророки упоминают о другой жертве, которая сама по себе будет обладать значимостью. Так, мы читаем об этом в

---

¹ В этой связи можно упомянуть весьма показательный текст, имеющий иной смысл, Вер. Р. 48. В нем сказано, что Авраам воссядет у врат геенны, чтобы не дать пасть в адское пламя тем из Израиля, кто был обрезан. Что же касается закоренелых грешников в Израиле, то патриарх возложит на них краеобрезания младенцев, умерших до совершения над ними обряда обрезания, а затем ввергнет их в геенну.

² Если эти слова трактовать правильно, то их надо понимать так: послушание важнее чисто механического совершения жертвоприношений; при этом не следует полагать, что, согласно данному тексту, сами по себе жертвы ничего не значат, как утверждают некоторые критики. Такое преувеличение сродни искаженному пониманию учения Павла о Законе.

Псалме 39: "Жертвы и приношения Ты не восхотел... Тогда я сказал: вот, иду; в свитке книжном написано о мне: я желаю исполнить волю Твою, Боже мой, и закон Твой у меня в сердце" (стихи 7-9). Хотя о точном значении этого отрывка можно спорить, мы убеждены, что в нем отражен тройкий смысл жертвоприношений: их прообразное и преходящее значение, нравственная составляющая жертвоприношения и самопожертвование Праведника – великая Жертва, сама по себе обладающая значимостью. Мы также убеждены, что упомянутый текст предвосхищает великое предсказание 53-й главы Исаии и в нем находит свое исчерпывающее объяснение³.

Довод, который мы стремились обосновать, приобретет особую убедительность, если мы вспомним, что упомянутые высказывания не были вызваны стремлением приуменьшить значимость жертв или других обрядов Ветхого Завета. Напротив, прочитав в Псалме 50 о том, что жертва Богу – дух сокрушенный, мы находим далее такие слова: "... тогда благоугодны будут Тебе жертвы правды, возношение и всесожжение; тогда возложат на алтарь Твой тельцов" (стих 19). Опять-таки, тот же псалмопевец, который жаждет духовного общения с Богом Живым, хочет взойти на гору Божью, чтобы войти в Его скинию и приступить к Его жертвеннику (Псалтирь 41, 42).

В данной связи весьма важны упоминания о богослужении и левитских законах в пророчествах Даниила и Малахии, и особенно – в книге Иезекииля. Эти упоминания убедительно доказывают, что пророки нисколько не принижали значимости уставов и установлений Закона. Но при этом мы находим у пророков нечто такое, что некоторые склонные к преувеличениям исследователи именуют "антиритуалистической тенденцией". Это кажущееся затруднение разрешается не путем признания за Пророками первенства перед Законом, но благодаря другому соображению, которое является одним из определяющих моментов в понимании пророчеств. В конечном счете, все пророчества указывают на "последние дни", или "конец дней" (ахарит га-йямим). "Последние дни" должны были быть целью всей истории и духовной жизни Израиля. Поэтому мы читаем в пророчестве Осии (3:5) о том, что после многих дней, когда израильтяне будут без царя и жертв – истинных или ложных, – они обратятся и взыщут Иегову, Бога своего, и Давида, царя своего, и будут благоговеть пред Иеговой и благостью Его в последние дни (ахарит га-йямим). Пророки ожидали не постепенного перехода к более духовному поклонению; их взоры были устремлены к ахарит га-йямим. Они ожидали не религиозной перестройки, а духовного обновления, не прекращения жертвоприношений, но исполнения их пророческого смысла в последние дни, каковые должны были быть днями ожидаемого Мессии и Царства Его. Но, по указанной выше причине, а именно, что они не знали, когда и как исполнятся пророчества, для них (в отличие от нас) настоящее и будущее имело неразличимые очертания и было тесно переплетено между собой. Поэтому Иеремия говорит о жертвоприношениях в восстановленном Иерусалиме. Отправной точкой его пророчеств было возвращение Израиля из вавилонского плена, а конечной целью – возвращение из последнего рассеяния, или "последние дни" (Иеремия 17:26; 31:14). Те же неразличимые очертания тесно переплетенного

³

Более подробно 53-я глава Исаии рассмотрена в Толковании на книгу пророка Исаии (гл. 53) Дэвида Барона.

настоящего и будущего мы находим и в пророческой книге Исаии. Пророк дает красочное описание "последних дней". Тогда сыновья чужих прилепятся к Иегове и будут приведены на Святую Гору, и их всесожжения и жертвы Он примет на Своем жертвеннике, ибо дом Его назовется домом молитвы для всех народов. Здесь пророк предвидит не расширение, а преобразование иудейского домостроительства; обращение не к Израилю, но к Богу Израиля; не поглощение всех народов Израилем, но разрушение преград; не вселенскую Синагогу, но вселенскую Церковь, в которой все, что было национальным, предварительным, символическим и прообразным, поглощается духовной реальностью исполнения. Но чем является это пророчество из книги Исаии, как не предвосхищением слов Христа о других овцах, не "сего двора", которых Он должен был привести и которые должны были услышать Его голос, дабы было одно стадо и один Пастырь (Иоанна 10:16), – слов, которые Он освятил Своей последней молитвой (Иоанна 17:20, 21). Трудно понять, как можно считать четвертое Евангелие, в котором записаны эти слова, направленным против евреев; столь же трудно вообразить, что эти пророчества Исаии могут считаться исключительно иудейскими и направленными против язычников.

Для того чтобы рассмотреть другие схожие пророческие высказывания, нам необходимо подробнее остановиться на 60-й главе книги Исаии. Здесь мы находим два кажущиеся несовместимыми ряда фактов. Пророчество начинается со слов, которые можно истолковать как явное осуждение Храма и жертвоприношений. По словам пророка, небо – престол Бога, а земля – подножие ног Его. Где же может быть построен дом для обитания Его, как не в сердце смиренного и сокрушенного духом? Что же касается жертвоприношений, то приносящий агнца или воскуряющий фимиам, в очах пророка, подобен закалающему нечистое животное. И все же, наряду с этим явным осуждением храмового служения, мы видим яркое описание восстановления того же Храма, с его жертвоприношениями, в котором, наряду с духовно обращенным Израилем будут иметь часть язычники, – но не как прозелиты праведности, а как прозелиты Божьи. Вне всякого сомнения, нет более явных свидетельств того, что настоящее всегда рассматривалось как предвосхищение будущего, что о будущем говорилось на языке и в понятиях настоящего, и что жертвы, которые символизировали собой духовную реальность, были прообразом тех "последних дней", когда, при Великой Жертве, в великом и вселенском Храме Церкви, будут собраны все народы.

Подобным образом Ветхий Завет говорит и о левитском священстве. Не только в Послании к евреям, но и в самом Ветхом Завете выражена мысль о том, что священство заключало в себе более глубокий смысл, нежели буквальный, и что, кроме установлений и служб в земном Храме, оно указывало на высшую духовную реальность, образом и провозвестием которой и являлось. Даже то обстоятельство, что левиты были поставлены вместо первородных в Израиле (Числа 8:16, 17), весьма знаменательно. Подобно требованию приносить первые плоды, это установление указывало на то, что Иегова имеет власть над Своим народом. Этот общий принцип включает в себя подробные наставления, данные впоследствии. Соответственно, в книге Исход 19:5 и 6 обо сказано, что весь Израиль будет уделом Иеговы, но только при условии, что народ будет верен завету. Именно в этом смысле следует понимать слова "а вы [весь Израиль] будете у Меня царством священников". Такое же понимание смысла

священства, – как прообраза посвящения себя Богу, – выражено в книге Второзаконие (7:6; 14:2; 32:9), в Псалмах (134:4) и в пророческих книгах (Исаия 41:9; 43:1). Но окончательно этой фундаментальной идее было суждено исполниться в будущем. В Ветхом же Завете она звучит в таинственных словах о священстве по чину Мелхиседека (Псалтирь 109:4) и в пророчестве о “последних днях”, когда священство – не Аароново, – будет включать в себя, вероятно, и язычников. Тогда исполнится обетование: “Из них буду брать также в священники и левиты, говорит Господь” (Исаия 66:21). Если мы вспомним, в каких обстоятельствах находился Израиль во времена господства Вавилона и на какой ступени раскрытия замысла Божьего находился весь мир, когда прозвучали эти слова; если, к тому же, мы сравним эти слова или, скорее, противопоставим их узконациональному духу иудаизма времен Христа, то сможем в некоторой мере осознать, сколь возвышенно духовными были эти пророчества, и понять, что исполнения их нам следует искать на страницах Нового Завета.

На высшее исполнение в будущем указывают не просто отдельные установления Ветхого Завета, но весь он в целом. Здесь необходимо подчеркнуть, что в Писании о Законе часто говорится не как о своде внешних правил, но как о великой духовной силе, воздействующей на внутреннего человека. Это особенно ярко прослеживается в книге Псалмов, которые, можно сказать, в равной мере имеют касательство к Закону и к Пророкам, впитывая учение того и другого и претворяя его в духовную силу. Здесь мы заострим особое внимание на учении Псалмов о святости и прощении, которые, как и в Новом Завете, тесно взаимосвязаны. Именно Закону в Псалтири приписывается свойство силы, порождающей то и другое – Закону, но не как своде внешних правил, а как духовному началу. Псалмопевец говорит, что Закон Господень “обращает души”^{*}, и тут же он присовокупляет молитву о прощении тайных грехов. Подобным образом, молитва о прощении присовокупляется к просьбе о сотворении Духом нового сердца. Такое соединение молитвы о прощении с молитвой о возрождении чрезвычайно характерно для духовности религиозных стремлений. Псалом 118 можно назвать вдохновенной хвалой Закона в его духовной ипостаси. Когда Израиль сердцем и душой отступил от Бога и когда открылась его величайшая земная нужда, пророк не повелел израильтянам исполнять какую-либо новую заповедь и тем более не стал увещевать их в строгости хранить древнюю заповедь. Напротив, по повелению Божьему он принес им обетование о том, что Бог даст им новое сердце, дабы они знали, что Он Иегова (Иеремия 24:7). А то, что народ не должен был ни пренебрегать Законом, ни возвращаться к его исключительно внешним правилам, явствует из того, что великое обетование о “последних днях”, о мессианском времени свершения всего, состояло в том, что Иегова заключит новый завет с Израилем. И это будет не такой завет, какой был заключен, когда Он вывел народ из Египта: Он вложит Закон Свой во внутренность израильтян и напишет его на сердцах их. И, что очень важно, тогда не будет больше человек учить ближнего своего, но все будут научены Самим Богом (Иеремия 31:31-34). Это указывает на сохранение начал прежнего домостроительства, но в то же время – на то, что в будущем все будет по-иному. Тогда уйдут в прошлое, или, скорее,

---

Так у автора. Перевод Ветхого Завета проф. П. А. Юнгера с древнегреческого LXX толковников. В Синодальном переводе: “укрепляет душу”. – Примеч. переводчика.

исполнятся, не только прежний Завет и древний Закон, но даже пророчества. Все это будет в "последние дни", или в мессианское время, когда, по предсказанию Захарии, все обрядовые законы будут поглощены всеобщим служением Богу, а слова "святыня Иеговы", некогда начертанные на головном уборе первосвященника, будут, если можно так выразиться, начертаны на всех обычных сосудах в Иерусалиме (Захария 14:20, 21). Но что все это означает в переводе на прозаичный язык истории, как не исполнение Закона в его духовной ипостаси, о чем мы читаем, например, в Посланиях св. Павла да и во многих других текстах Нового Завета?

Но даже это еще не все. Если говорить совокупно о духовном обновлении сердца и прощении грехов, то, как сказано в Писании, во дни обетованного Нового Завета Бог даст этот дар всем Своим детям. Поэтому Иеремия соединяет с предсказанием о новом Законе, который должен быть написан на сердцах людей, когда учение человеческое уступит место всеобщему познанию Бога, следующее многозначительное обетование, пусть даже в тогдашней своей форме оно прилагалось только к Израилю: "Я прощу беззакония их и грехов их уже не вспомню более" (Иеремия 31:34). Подобным образом и Иезекииль, пророк-священник, упоминает о времени, когда Бог окропит израильтян чистой водой, очистит их от скверны их, даст им новое сердце, вложит Дух Свой в них, возьмет их сердце каменное и сделает так, что они будут ходить в заповедях Его (Иезекииль 36:25-27). А то, что эти обетования найдут свое исполнение во времена Мессии, Сына Давида, явствует из слов того же пророка, записанных в следующей главе его предсказаний: "А раб Мой Давид будет Царем над ними и Пастырем всех их, и они будут ходить в заповедях Моих и уставы Мои будут соблюдать и выполнять их" (Иезекииль 37:24). И это – то, что Иезекииль именует заветом мира, вечным заветом, который заключит Бог (Иезекииль 37:26-28). Наконец, с этим также согласуются слова Захарии (13:1): "В тот день откроется источник дому Давидову и обитателям Иерусалима для омытия греха и нечистоты" и слова Михея (7:19 и 20) о том, что Бог ввергнет все грехи их в пучину морскую и так "явит верность Иакову, милость Аврааму, которую с клятвою обещал отцам нашим от дней первых".

Хотя мы привели достаточно много подробных выдержек из Писания, мы, можно сказать, находимся только в начале нашего пути. Ибо, кроме этих отдельных предсказаний, у всех пророков, и особенно в книге Исаии, мы находим яркие описания времени нового завета, с его благословениями для Израиля и человечества. То, что эти описания относятся ко вселенскому духовному домостроительству в мессианские дни, едва ли требует доказательств, как бесспорно и то, что все соответствующие условия были выполнены в том домостроительстве, которое началось с учреждением Нового Завета. Едва ли можно вообразить, что когда-нибудь в будущем иудаизм, – будь то раввинского или рационалистического направления, – превратится во вселенскую религию и Царство Божье, какие описаны пророками. В таком случае нужно было бы либо отказаться от надежды Ветхого Завета либо перетолковать ее и приспособить к плоским и безжизненным догмам деизма. Если же мы держимся духовной надежды, возвещенной пророками, то должны ожидать более масштабного исполнения всего, что связано с домостроительством, которое открыто нам в Новом Завете, – пусть даже оно еще не проявилось как нечто осязаемое, но остается предметом наших чаяний и устремлений.

От иудаизма, который мы вынуждены считать пережитком прошлого либо решительным отступлением от глубочайшей идеи Ветхого Завета, мы вновь возвращаемся к Ветхому Завету и утверждаем, что выяснили следующее. Во-первых, Ветхий Завет указывал на духовные реалии, прообразами которых, по свидетельству самого Писания, было внешнее и настоящее. Во-вторых, тем самым, Ветхий Завет указывал на исполнение всего в "последние", или мессианские дни.

Другой, сходный аргумент мы черпаем из того, о чем прежде говорили как об абсолютном, или догматическом понимании пророческого характера Ветхого Завета в учении св. Павла. В данном смысле апостол расценивал весь Ветхий Завет как пророчество о Новом и говорил о "... правде Божией, о которой свидетельствуют закон и пророки" (Римлянам 3:21). Опираясь на доводы, которые могут быть названы исключительно рационалистическими, можно утверждать (в Послании к евреям мы действительно находим подобную аргументацию), что обрядовый Закон не мог быть дан как нечто непреходящее, а его установления не могли расцениваться как средство, обеспечивающее искупления греха. Но св. Павел приводит еще более глубокий довод. По его словам, Закон не мог проникнуть в сердце человеческое и потому не устранял (а скорее выявлял) тот грех, которому выносил смертный приговор. Следовательно, цель Закона могла состоять только в том, чтобы вызвать желание спастись. Отсюда следует, что Закон мог быть дан только как временное установление и являться детоводителем ко Христу. Но благодать, на которую он указывал, действовала от начала и задолго до Закона была дана отцам в обетовании, которое не могло быть отменено тем, что явилось после, что предназначалось только для временных целей и служило приготовлением к будущему. Этому учит Послание к римлянам, в значительной мере – 2-е Послание к коринфянам и особенно – Послание к галатам, главное положение которого выражено в следующих словах: "Итак закон противен обетованиям Божиим? Никак! Ибо если бы дан был закон, могущий животворить, то подлинно праведность была бы от закона; но Писание всех заключило под грехом, дабы обетование верующим дано было по вере в Иисуса Христа. А до пришествия веры мы заключены были под стражею закона, до того времени, как надлежало открыться вере. Итак закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою; по пришествии же веры, мы уже не под руководством детоводителя. Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса" (Галатам 3:21-26).

II. Данный нами подробный ответ на первый из поставленных вопросов в определенной мере помогает ответить и на второй кардинальный вопрос – согласуется ли с Ветхим Заветом так называемая христианская трактовка мессианской идеи и мессианского идеала. Возможно, будет лучше, если дальнейшие рассуждения мы представим в форме краткого обзора исторического развития фундаментальных религиозных идей Израиля.

Допатриархальную эпоху можно уподобить младенчеству. В этот период были заложены общие основы духовной жизни и были созданы те условия и обстоятельства, которых в будущем будут касаться положения Божьего Завета. Знаменательные факты, относящиеся к той эпохе и требующие нашего

рассмотрения, таковы: первоначальные взаимоотношения Бога и человека как творения Божьего и носителя образа Божьего; закон, грех, смерть и обетование окончательного восстановления. Однако следует учесть, что грех был не только внешним нарушением внешнего правила. Будучи порождением злых помышлений сердца, грех чрезвычайно умножится и усилится, и то, что началось с неповиновения Божественному Отцу, приведет к убийству собрата-человека. Однако, несмотря на грех, от начала, на основании Божьего обетования, появляются зачатки богопочитания, а также Божье предостережение, Божье признание и Божий суд. Далее намечаются очертания судьбоносного различия между теми, кто призывал Бога, и теми, кто стремился только к земному. А с умножением последних, начинается растление первых, что приводит ко всеобщему суду, от которого, однако, были спасены верные и праведные. Так начинается новый уклад жизни, на котором, однако, продолжает лежать печать суда Каина. Это приводит к смешению языков и разделению человечества на отдельные народы. По своей значимости сравнимым с этими начальными событиями может считаться историческое исполнение в Новом Завете предсказанного прежде, которое началось с Вочеловечения Христа и окончилось сошествием Святого Духа.

Примечательность и своеобразие величественного ветхозаветного повествования заключается в том, что оно открывает нам не материальную, философскую, литературную или политическую трактовку нашего происхождения, но исключительно нравственную и духовную. В то же время в нем закладывается основание для событий отдаленного будущего. Даже надежда такого будущего знаменательна сама по себе, поскольку у язычников не было никакого ахарит га-йямим. Для Ветхого Завета будущее – условие его пришествия, обоснование его цели, сила, его приближающая, – это все. Оно входит в наш мир, молодое, юное и устремленное к полноте Божественной зрелости. И сколь бы туманным ни было древнее обетование, это – Евангелие. Ибо оно говорит нам, что человек не всегда будет находиться под бременем греха, но грех, в конечном итоге, будет сокрушен, а духовная борьба между Представителем человечества и представителем греха, условием которой было страдание первого, принесет победу и всеобщее освобождение.

Следующим периодом было время патриархов, или “детский” возраст. Он отличается простотой детской веры и безусловностью послушания. Славное будущее здесь представлено, главным образом, посредством его противопоставления настоящему. Одиноким странник должен стать отцом всех народов, – бездомный пилигрим, наследник всей страны, мало того, всей земли. Таким образом становится явной еще одна особенность раскрытия Царства Божьего, а именно противопоставление видимого и невидимого, настоящего и будущего, явления и действительности. И эта особенность также наиболее полно проявляется в истории Христа и Его Церкви. Кроме того, при дальнейшем рассмотрении можно отметить, что это должно быть необходимым следствием господства зла и тех страданий и борений, которые совершаются, когда Царство Божье входит в мир. Однако древнее обетование начинает принимать более отчетливые очертания. В дальнейшем раскрытии обетования ясно обозначаются два обстоятельства: то, что оно начинает осуществляться с одного человека (“в тебе”), и то, что благодетельствованы им, в конечно итоге, будут “все народы”. И началом осуществления этого обетования было

вступление в завет. Так поступил Бог с Авраамом, отцом верующих. Знаком этого завета было обрезание. Обрезание указывало на то, что завет должен был передаваться от отца сыну, и не просто по наследству, но и путем личного послушания закону Бога и добровольного принятия на себя обязательств завета. С этого момента начало и цель обетования становятся все более ясными и отчетливыми.

Период истории Завета, к которому мы сейчас подошли и который может именоваться "юностью Израиля", был временем, когда формировался уклад жизни народа Божьего. Обетование, данное одному человеку, а затем – патриархальной семье, теперь должно было явиться на арене истории, так сказать, воплотиться в народе, чья жизнь, история и пророчества должны были отождествиться с Царством Бога. Идея, которая была символически и прообразно представлена в истории и установлениях Израиля, как мы видели, указывала на Раба Господня, в противоположность служению греху, ведущему к смерти. Эта идея была сопряжена с борьбой и страданиями, но она также возвещала окончательную победу. Вся последующая история Израиля была следствием и развитием этой идеи в патриархальный и допатриархальный периоды. Обрядовая и нравственная составляющие Закона, равно как и обетования, имеют своим истоком и объяснением образ Раба Господня. То же противопоставление видимого и невидимого, настоящего и будущего, которое обозначилось в патриархальной истории, было отличительной особенностью жизни Израиля в окружении других народов мира. И различные события, которые происходили с израильтянами, были следствием либо их верности, либо их неверности Божественной идее, которую они были призваны воплощать в жизнь^{**}.

Далее мы коснемся периода монархии, который был временем зрелости Израиля. К идее священства и пророчества, которые в предшествующую эпоху имели внешнее выражение, теперь добавилась идея царства, хотя основополагающим принципом оставалось представление о царе как "рабе Господнем". Великое обетование, соединенное сначала с патриархами как помазанниками Божьими, а затем с Израилем как царственным народом, теперь соединилось с царем Израиля и, так сказать, приобрело индивидуальный характер в Давиде и его семени. В истории Давида перед нами по-прежнему предстает образ страдающего раба Иеговы. Но наряду с этим в ней мы видим царствующего слугу Бога. По мере развертывания внешней истории Израиля со все большей ясностью раскрываются глубокие духовные истины. Все четче вырисовывается принцип, согласно которому участь народа зависит от преданности завету; пророки все более определенно говорят о духовном характере Закона и его установлений. Но самое главное – то, что о великой надежде Израиля относительно духовного царства и царя над всеми народами говорится все более подробно и определенно – как о цели исполнения всего предсказанного ранее.

Таким образом, путь развития пророческого служения, которое указывало на исходный пункт в истории Израиля, пройден нами почти полностью. Что же

^{**}

Более подробно о "Рабе Господнем" говорится в Толковании на книгу пророка Исаии Дэвида Барона.

касается движения в направлении конечной цели истории, то его необходимо было обозначить более точно. Это было сделано на последней стадии истории Израиля, перед наступлением времени больших ожиданий и великого молчания, а именно – времени изгнания. Этот период знаменовал собой упадок Израиля; но, как и всегда, отвержение Израиля должно было обернуться принятием язычников. Теперь Израиль находился в теснейшем соприкосновении с великими монархиями мира, и эти новые отношения дали начало новой эпохе, в которую великая надежда народа вышла, так сказать, на арену мира и истории. Израиль должен был стать “Иоанном Крестителем” языческого мира; гласом, вопиющим в пустыне и возвещающим народам грядущего Христа. И вновь мы видим, как нераздельно действуют Божий Промысл и Его благодать. Величайшее чудо свершилось без каких бы то ни было зримых знамений. Рассеяние евреев, распространение греческой культуры и утверждение власти имперского Рима были в ту эпоху тремя важнейшими не зависящими друг от друга, но направленными к единой цели историческими силами. Затем, после периода долгого ожидания, человечество было объединено благодаря литературному гению греков, а в политическом отношении – силой власти древнего Рима. Ветхий Завет в греческом переводе и Новый Завет, с его делением истории на мир сей и мир грядущий, могли стать достоянием всего человечества. Так дни Кесаря Августа стали днями пришествия Христа и окончательного исполнения пророчеств.

Рассматривая историю в свете исполнившихся пророчеств, мы понимаем, что до пришествия Христа все это представлялось неопределенным и туманным даже тем, кто веровал. Но в Ветхом Завете есть одна книга, которая более любой другой должна была поддерживать и питать эти мысли и надежды в Израиле. Это книга Псалмов. Не стоит забывать, что в этой книге отражены богослужение, гимнография и, в значительной мере, догматика ветхозаветной Церкви. Следует также помнить, что начало ей было положено еще в беспокойные и, во многих отношениях, непросвещенные времена Саула. И однако, в определенном смысле, она остается для Церкви в целом и для отдельных членов Тела Христова тем, чем была для Израиля всю его бурную и нелегкую историю. В ней нас поражают величие образа Бога, пафос страдания, искренность чувств, простота детской веры и безусловность доверия. Все это доныне служит ярчайшими проявлениями глубокого религиозного опыта. А кроме этих субъективных особенностей, в ней мы находим множество объективных: это и откровение Бога о Себе Самом всему творению, и образ Града Божьего как идеального общества, и ожидание исполнения всех обетований, и благословение мира. Но главное – это то, что Псалмы в ясных чертах рисуют нам образ Царя-Мессии. Этот образ является средоточием всей богословской мысли книги. Плач праведного Страдальца предвосхищает собой крестные муки; восклицание царя – радость утра Воскресения. Паче шума вод многих и криков мятежа языческих народов – громко, ясно и неизменно звучат слова Бога, утверждающего Царство Свое на земле и возвещающего славу Христа во всем мире. Люди, искупленные в Церковь из всех народов, простирают руки свои к Богу и отвечают Ему: “Он сотворил нас, и мы – Его, Его народ и овцы паствы Его”. Все народы поклонятся Ему. О, гряди и царствуй вовеки, великий Сын Давидов!